

УДК 94(576).084.6

Кудайбергенова Айжамал Ибрагимовна, Мурзаходжаев Куаныш Мадиевич

т.и.д, доцент, Ч.Ч. Валиханов атындагы Тарых жана Этнология Институту,
т.и.д, доцент, Ч.Ч. Валиханов атындагы Тарых жана Этнология Институтунун
магистранты

Кудайбергенова Айжамал Ибрагимовна

д.и.н, доцент, Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Алматы,
Казахстан, e-mail: akudaybergen@mail.ru

Мурзаходжаев Куаныш Мадиевич

магистр Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан,
e-mail: kuka_ist@mail.ru

Kudaibergenova A.I., Murzakhodzhayev K.M.

Doctor of History, Associate Professor, Institute of History and Ethnology named after
Ch.Ch. Valikhanov, Almaty, Kazakhstan. e-mail: akudaybergen@mail.ru,
Master of the Institute of History and Ethnology named after Ch.Ch. Valikhanov, Almaty,
Kazakhstan, e-mail: kuka_ist@mail.ru

АЛЖИР ЛАГЕРИНДЕГИ ЖАНЫ ЖАРАЛАНГАН КЫЗ КЕЛИНДЕР

РАНЕННЫЕ ДУШОЙ УЗНИЦЫ АЛЖИРА

AGGRIEVED LADIES IN ALZHIR CAMP

Аннотация: Белгилүү Казак саясый ишмери, Казакстандын экономикасына жана маданиятынын өнүгүшүнө салымын кошкон, улуттун жана улуттук кызыкчылыкты коргогон Турар Рыскуловдун үйбүлөсү, 1937-1938 жылдары, саясый репрессиясынын курмандыгы болгон. Бул макалада АЛЖИРде (Акмола эл душмандары жана саткындардын аялдарынын лагери) күнөсүз жазаланган Азиза Рыскулова, анын апасы Арифа Есенгельдиева (адилетсиздикке чыдабастан ажал тапкан) аяымдардын жана Рыскуловтын баска да туугадары жөнүндө баяндалат.

Негизги сөздөр: Репрессия; Акмола эл душмандары жана саткындардын аялдарынын лагери; Рыскулов; туткунлар, саясый репрессиясынын курмандыгы.

Аннотация: В статье на примере членов семьи видного политического деятеля, борца внесший значительный вклад в деле защиты национальных интересов, жертвы репрессивной политики советской власти 1937-1938 гг. Турара Рыскулова раскрываются некоторые страницы истории репрессии. Узницы АЛЖИРа (Акмолинский лагерь жен изменников Родины) – жена Турара Рыскулова Азиза Рыскулова, ее мать Арифа Есенгельдиева (умерла в лагере, не приняв до конца суровую правду) и др. его родственники также стали невинными жертвами репрессии.

Ключевые слова: Репрессия; Акмолинский лагерь жен изменников Родины; Рыскулов, заключенные; жертвы репрессивной политики.

Abstract: This article will talk about a Kazakh politician Turar Ryskulov's family members who were victim of repression policy in 1937-1938. Turar Ryskulov was a great political figure who struggled for cultural and economic development and was able to make his own contributions protecting national interests. The article will review Turar Ryskulov's wife Aziza Ryskulova, her

mother Arifa Yesengeldieva (She passed away due to injustice) and other relatives were prisoners in ALZHIR (Akmola Camp for the Wives of Homeland Traitors).

Keywords: Repression; Akmola Camp for the Wives of Homeland Traitors; Ryskulov; prisoners; victim of repression policy.

Введение. «О плененном возлюбленном дни и ночи

Сердце тоскует, в слезах ли очи?

Распустив волосы, ночью бессонной

Молишь ли бога о встрече влюбленных?!

Думал ли я, что расстанусь с тобою,

Что же мне делать с жестокой судьбою?

Бога прошу: дай уснуть поскорее,

Ту поцелую, что сердцу милее!» [1].

Начинаю статью со стихами Магжана Жумабаева, в переводе Тыныбековой С.Б., внучки Султанбека Ходжанова, канд.филол.наук, которая посвятила ее многострадальным героическим женщинам АЛЖИРа – женам репрессированных.

Постсоветскому периоду почти 30 лет. За этот период были даны исторические оценки сталинской политике, главным событиям XX века. Сталинская форма авторитарной власти, характерная для СССР, была всесторонне рассмотрена в трудах западных, российских, казахстанских исследователей. Но если углубимся в историю этого периода, то выясняем, что постепенно появляются новые, невыясненные до конца страницы тех времен. Выявляются события, оставшиеся в памяти народа, которые, как предупреждение и незабываемый урок перед поколениями, ждут своего часа полного раскрытия, исторической справедливости. Одним из них является история голода и репрессий. Судьбы невинно наказанных людей, имена которых не полностью обелены. В том числе судьба простых смертных, обычных людей.

В то время, от простого народа до вышестоящего руководства трудились на пути формирования нового общества, воспринимая демократию, основанную на равноправии людей, как основной принцип социализма. Большая часть населения 1930-х гг. XX в., думали, что уже начатые репрессии касались только «врагов народа», а мы сами живем с верой в будущее, добросовестно трудимся на пути построения нового общества. Вначале, когда слышали о том, что тех или иных руководителей задерживали как «врагов народа», когда забирали и арестовывали в качестве «врага народа», даже знакомого из соседнего дома, народ принимал это справедливым процессом того сложного периода, необходимого для построения нового социалистического общества. И то, что арестовывают «врагов, шпионов», принимали необходимым явлением. Считали, что такая участь не постигнет их, потому что они честно служат социалистической стране. И не могли даже думать, что вскоре и их, строителей нового общества настигнет такой ярлык, такая участь.

Основная часть. Политические преследования и репрессии – были неотъемлемой частью повседневной жизни в советский период. А своего апогея достигла в 1937-1938 гг., когда вся интеллигенция без вины были переданы суду. В этот период политика наказания, ареста членов семей «изменников Родины» не щадила и женщин и детей. После ареста и расстрела Алашевцев, и видных деятелей казахстанского общества, члены их семей, как «сын врага народа» или «как жена, мать, член семьи врага народа», были отстранены от нормальной жизни, от общества, не смогли жить полноценной жизнью, вплоть до реабилитации их имен. Политика лишения свободы женщин, заточения их в тюрьмах своей жестокостью превзошли все репрессивные методы в истории преследования людей.

Из Москвы 3 июля 1937 г. главе УНКВД (Управление народного комиссариата внутренних дел) Западно-Сибирского района Миронову и народному комиссару внутренних дел Казахстана Залину отправляется секретная телеграмма. В письме сообщается, что «Члены семей недавно расстрелянных будут осуждены, большинство из них являются женщинами, а также детьми дошкольного возраста и общее количество их составит около 6-7 тысяч человек. Для них будут организованы два специальных концлагеря, каждый из которых сможет принять по 3 тысячи человек, будут выставлены усиленные караулы, а осужденные должны быть привлечены к работе в лагерях. Это было начало большой операции. В Нарым (Западно-Сибирская) и в Караганде вскоре будут построены и сданы в эксплуатацию лагеря».

15 августа 1937 г. издается оперативный приказ НКВД СССР №00486 «Операция по репрессированию женщин и детей изменников Родины» [2]. В этом документе почти полностью охвачены такие аспекты, как порядок ареста женщин, разделения на группы, конфискации имущества, механизмы помещения детей в детских домах и др. Почти все женщины, подвергшиеся преследованиям по политическим предлогом, были задержаны в течение нескольких месяцев после ареста мужа и были заключены в спецлагеря на 5-8 лет, в исправительно-трудовых лагерях.

В 1937 г. начали создаваться специальные лагеря для женщин. «Политбюро ЦК КПСС поручил НКВД развернуть работу по «тюремному аресту на 5-8 лет всех осужденных, правых-троцкистцев, женщин шпионско-диверсионных организаций». Местом дислокации этих лагерей должен был стать Нарымский край и Торгайский район Казахстана.

По приказу НКВД СССР №00486 от 15 августа 1937 г., по согласованию с областным прокурором, осужденные женщины были направлены на Особое совещание НКВД СССР, а далее учитывались стадии направления в тюрьмы и лагеря. Но в документах, оформленных для ареста женщин в качестве преступника, не указаны ни приказа, ни решения прокурора. Иногда, когда женщине выносили обвинительный приговор, даже не указывалась причина, за что она обвиняется. А формулировка «причастие мужа к контрреволюционным действиям» стала аргументом, достаточным для наказания их жен. Осужденный за «измену родине», за «шпионско-диверсионную деятельность», «правый-троцкист», осуждение Военным трибуналом и Военной коллегией Верховного Суда СССР «враг народа», арестованные, в основном, решением «Тройки» мужа при аресте считались преступником, а для женщин – не было необходимости оформления официального документа. В основном для ареста женщин, для того чтобы посадить в тюрьмы, достаточно было того аргумента, что они являлись женами своих мужей! Таким образом, женщины, отбывавшиеся в АЛЖИРе срок как ЧСИР (Член семьи изменников Родины), считались наказанными по системе ГУЛАГ, без специального судебного решения. На всех этапах репрессии все аресты оформлялись специальным судебным решением, даже если суд состоял их 3-х человек из «тройки». А их жены, матери, родственники стали преступниками без специального судебного решения.

Женщины были заключены во все лагеря. Например, в 1937 г. в лагере г. Семипалатинска, предназначенной для сотни людей, содержались 4 тысячи заключенных. В камере на 17 человек сидели 72 женщины. Они лежали на полу, в кровати по трое, как валики, лежали боком [3]. Так и в Бутырской тюрьме: под деревянными нарами и в камерах вместимостью 5-6 человек в 1937 г. содержались 75 женщин-заключенных. Из-за того, что мужья были арестованы и расстреляны, у женщин «врагов народа» не было возможности даже думать о своей невиновности, считать себя невинными жертвами.

3 декабря 1937 г. по поручению НКВД образовано Акмолинское специальное отделение как исправительно-трудовое учреждение Карлага, именуемое «точкой №26», в котором заключались осужденные по вышеуказанному приговору. Бредихин Александр, бывший

комендант спецпоселка, на месте которого появилась 26-я точка КарЛага, был назначен начальником вновь возникшего Акмолинского отделения Карлага. Он и был первым его организатором и работал более года. При Бредихине Акмолинское отделение уже имело юридический статус как административно-хозяйственная единица. Центральная усадьба отделения находилась в трех километрах от старого русского села Родионовка и на таком же расстоянии, несколько левее, был аул Жана-Жол. С восточной стороны центральной усадьбы озера Жаланош [4].

Это был концлагерь. В секретной телеграмме, написанной заместителем начальника ГУЛАГа Плинером в НКВД КазССР 9 сентября 1937 г., так и говорится: «согласен на организацию концлагера на базе Акмолинского трудового поселка №26» [5, с. 26]. АЛЖИРский лагерь начинает принимать первых осужденных женщин в начале января 1938 года. Исследователь Кукушкина А.Р. пишет, что лагерь быстро переполнялся, даже руководство Карлага отправлял в другие лагеря женщин из первого этапа, так как лагерь был переполнен, а к осени было оформлено еще одно-специальное Спасское отделение Карлага. Незаконно осужденные женщины были помещены и в другие отделения Карлага, однако большая часть попала в АЛЖИР.

Женщины «Члены семей изменников родины» начали прибывать из Москвы, Оренбурга, Иркутска, Ростова, Калуги, Орска и т.д. городов СССР [3, с. 73].

В первые годы Акмолинский лагерь рассматривался не только как лагерь членов семей изменников Родины, но и как лагерь для содержания «особо опасных элементов» преступников. Доказательством тому является то, что женский лагерь подчинялся непосредственно Главному управлению лагерей, а не Карлагу. Только к маю 1939 года АЛЖИР был переведен из специального режима в лагерь с «общей системой» лагерного порядка. Только тогда осужденным женщинам дали разрешение на переписку с родственниками, высылать и принимать письма, и они смогли узнать о судьбах своих мужей и детей. С этого времени между лагерями началась работа по переброске осужденных, по мере необходимости из одного лагеря в другой.

Женщины, изолированные от общества использовались в трудовых процессах. Для развития хозяйственной деятельности Акмолинскому отделению был выделен участок земельных угодий в сторону колхоза Ново-Ишимка (в западном направлении) протяженностью до 40 километров. Было создано два сельхозучастка совхозов, на которых для постоянного там содержания поголовья скота и проживания обслуживающего персонала из заключенных были построены базы и жилые здания (бараки). На каждом участке содержалось поголовье крупного рогатого скота около 500 голов. В основном коровы молочные и молодняк.

На этих участках засеивали пшеницу, ячмень, овес, просо; в первые годы в пределах 500 га. В последующие годы посевная площадь увеличивалась до 10 тысяч га. Посевная площадь обрабатывалась десятью тракторами, к ним был парк прицепных орудий. Хлебоуборочные работы производились комбайнами. На тракторах и комбайнах работали мужчины. Хозяйственной деятельностью руководили репрессированные женщины-специалисты с большим опытом. Сеяли и кормовые травы: люцерну, донник, другие. В хозяйстве имелось около 1000 лошадей, в основном рабочие. Рогатый скот был породы «герфорд» и «красно-степной». Сельскохозяйственное производство кадрами специалистов - агрономами, зоотехниками, ветеринарными врачами, рабочими было обеспечено достаточно. [4].

В 1939 г. до того содержащиеся под конвоем в статусе особо опасных контингентов узницы АЛЖИРа были переведены в общую лагерную систему порядка. В преддверии

Великой Отечественной войны контингент осужденных в Акмолинском лагере был смешан с другими заключенными частей Карлага [3, с. 90].

В годы Великой Отечественной войны, в условиях войны и без этого строгий режим лагерей был особенно суровым. Именно в эти годы число тюремных женщин резко возросло. Если в Карлаге 1938-1946 гг. 6500 женщин отбывали наказание, то 4500 из них сидели в АЛЖИРе.

В 1938 году управление Карлага вместо Бредихина – начальником Акмолинского отделения прислало Баринова Сергея Васильевича, прибывшего из города Калинина. Опытный работник НКВД, он и продолжил руководство Акмолинским отделением Карлага до конца его ликвидации [4].

Для использования всего контингента решено было организовать швейную фабрику и вышивальное производство, где было занято более двух тысяч человек. Швейная фабрика выполняла заказы крупных организаций. Вышивальное производство изготовляло продукцию из сырья Наркомторга Казахской ССР по его нарядам и указанию продукцию отправляла в другие области Казахстана.

В период военного времени швейная фабрика выполняла заказы по пошиву обмундирования для военведомства. Для этого лагерь имел наряды и получал мануфактуру по нарядам из Иваново, Тейкова, меланжевых комбинатов Барнаула, Ташкента.

Год проработал в этой должности и два года по 1943 год заместителем у Баринова другой надзиратель – Юзипенко М., который в своих воспоминаниях тех лет, считает это все обычной лагерной жизнью, где в сравнении с другими лагерями она протекала более человечным отношением. Все это принималось бы обычным течением трудовой жизни лагеря, если бы не главное НО! Но это все выполнялось руками узниц, в суровых концлагерных условиях, под пристальным и беспощадным присмотром и издевательствами конвоиров.

Среди них были жены видных, известных сейчас и малоизвестных деятелей республики, вплоть до обычных бригадиров, агрономов и т.д. Некоторые узницы на утверждение «твой муж был троцкистом», недоумевали: «Почему говорят, что был трактористом, муж же был бригадиром!».

Среди них были врачи и медсестры с большим опытом. Например, врач-терапевт Попе, до лагеря работала в Кремлевской больнице, Смеланская А.Ф. – хороший терапевт из Тулы и другие. Были артистки-солистки Лер Мариям, Никитина, Фадеева, Шульц, Оловейникова и другие. Оловейникова до лагеря 12 лет работала солисткой в Киевском оперном театре. В лагере за ее классический голос называли ее Соловейникова

Среди них была жена Султанбек Ходжанова, приговоренный к расстрелу в 1938 году, Гуляндам, отбывавшая как жена врага народа в тяжелейших условиях длительный срок в АЛЖИРе. Она, после реабилитации мужа в 1957 году, осмелилась разместить портрет супруга в квартире лишь в начале 70-х годов. Всмотриваясь в него, она вспоминала, как прост и скромн был Султанбек, как уважал и старших и младших, как много работал и искал ответы на сложнейшие вопросы в книгах, в беседах с соратниками, с народом. Осознавая, что ее незабвенный супруг (в доме слышалось только: «Султеке, Гулеке») погиб за народ, Гуляндам апа сокрушалась, говоря: «Более всего я сожалею о том, что Султеке не знает народ. Загорелся и погас...» [1].

Среди них были и родственники Турара Рыскулова. В том числе жена Турара Рыскулова Рыскулова Азиза Тубековна Рыскулова (Есенкулова) и свекровка Рыскулова - Есенкулова Арифа Атафиевна. Оба были заключены в тюрьму на 8 лет. Кроме того, дети, двоюродный брат Рыскулова были также репрессированы. Теперь обо всем по порядку.

Первая жена Турара Рыскулова Татьяна Колосовская. От дочери генерал-губернатора Ташкента Владимира Колосовской и Варвары Татьяны Колосовской Татьяны Колосовской, родился сын Александр Турарович (Ескендир). Александр, когда арестовали отца, учился в 10-м классе. Он решил разузнать о судьбе своего отца и зчто поплатился жизнью. После того, как он искал своего отца, через год и его арестовали. Его посадили в тюрьму под Архангельском, он был осужден на 10 лет. А в 1940 году умер в возрасте двадцати лет от чахотки, скоротечного туберкулеза, чем был заражен в исправительно-трудовой колонии Архангельска.

От второй жены Надежды Пушкаревой, была девочка Софья. После того, как Турар Рыскулов был задержан, и арестовали третью жену Азизу, оставшихся детей взяла под свое крыло она - Надежда Ивановна Пушкарева. Милейший, доброй души человек, так охарактеризована она. Надежда Пушкарева приняла активное участие не только в воспитании своего ребенка. Она также приняла Александра (Ескендира) Надежда была порядочной и честной женой Турара Рыскулова. Надежда Пушкарева является одной из тех родственников, которая была невинно наказана после ареста Турара Рыскулова, несмотря на то, что во время задержания они не были в браке. Но система не щадила никого, вскоре она была уволена из института Истории и философии Академии наук, где работала машинисткой [6]. В дальнейшем с ярлыком члена семьи изменника родины ей пришлось трудно с поиском работы.

У Веры Дергачевой, состоявшей в гражданском браке с Тураром Рыскуловым, родилась дочь Майя. Вера Ивановна отказалась от нее после ее рождения и воспитанием Майи занимался отец Турар. После смерти Турара Рыскулова, в 1939 г. и Майю забирает к себе Надежда Пушкарева. После окончания Великой Отечественной войны Майя начинает искать брата и родственников. Вскоре, закончив семилетнюю школу, Майя тоже как дочь врага народа, в качестве опасного элемента была осуждена, сослана и переведена в Караганду на 5 лет. Майя Тураровна, отбывавшая наказание в городах Караганда, Темиртау, Каркаралинск, вернулась в Москву только после объявления амнистии в 1953 году.

Теперь более подробно остановимся на третьей жене Рыскулова Азизе, с которой он был официально в браке во время задержания и расстрела. Именно Рыскулова-Есенкулова Азиза Турабековна-жена Турара Рыскулова и его мать Арипа Есенкулова официально по приговору Особого совещания НКВД СССР были направлены в исправительно-трудовой лагерь на 8 лет как «члены семьи изменников Родины». Вместе с тем, брат Азизы Шамиль, а также двоюродный брат Турара Рыскулова Оразбай Молдабеков также были арестованы.

Турар Рыскулов вместе с женой Азизой Есенкуловой (девичья фамилия) – Рыскуловой были арестованы в Кисловодске. Тогда Азиза уже носила под сердцем ребенка Рыскулова. Однако несмотря на это после ареста мужа ее выгоняют из санатория. Вскоре был расстрелян Турар Рыскулов, а 19 февраля 1938 г. была арестована Азиза Рыскулова и мать Арипа Есенкулова. Оба сидели в московской тюрьме «Бутырка», а после их распределили в АЛЖИР.

Рыскулова-Есенкулова Азиза Тубековна (в документах на время ареста написана Тубекқызы, а в книге «Узницы АЛЖИРа» -Турабекқызы. – АИК). Родилась в 1911 году в Жаркенте. Казашка. 09.04.1938 г. в качестве «члена семьи изменников Родины» по приговору Особого совещания (ЦСО) НКВД СССР была осуждена и направлена в исправительно-трудовой лагерь под Акмолинском на 8 лет. 29.05.1938 году доставлена из Бутырской тюрьмы г. Москвы в Акмолинское отделение Карлага. Точный период времени отбывания наказания в Акмолинском лагере не указана. 9.04.1946 г. освобождается от Карлага [5, с. 434].

В индивидуальной учетной карте А. Рыскуловой, как члена семьи изменников Родины написано следующее: «личное дело №257605. Родилась в 1911 году в городе Жаркент, Казахстан. Казашка. С высшим образованием. Местонахождение-Москва, Новинский

бульвар, дом 25, квартира 5. Медицинский работник. Ветеринарный врач. Заполнено 31 мая 1938 года. По приговору Особого совещания НКВД СССР была задержана как член семьи изменников Родины. Срок заключения начинается 9 апреля 1938 г. и закончивается 9 апреля 1946 г.» [6].

В Центральном архиве кино-фото-фоно документов и звукозаписей Республики Казахстан хранится документальный фильм из 2-х частей под названием «АЛЖИР. Мы свидетельствуем». Документальный фильм снят по сценарию Армияла Тасымбекова и Аягана Шажамбаева, а консультантом был Абу Такенов. В этом фильме сохранены воспоминания Азизы Рыскуловой, Лидии Рыскуловой и Шерхана Муртазы. («АЛЖИР. Мы свидетельствуем»). По словам Шерхана Муртазаева, Азиза (1911-1988 гг.) не отказалась от Турара, не бросила Рыскулова в трудные минуты. Чем показала истинное лицо любящей жены, заботливой матери.

Жена Темирбека Жургенова Дамеш Ермакова также была узницей Алжира. По ее рассказам Турар Рыскулов впервые встретился с женой Азизой в 1934 году, во время встречи Турара Рыскулова с государственными деятелями из Казахстана. Он спрашивал, в частности, о Карагандинском угольном бассейне, Балхашском медеплавильном комбинате, Турксибе и культурном строительстве. Обсуждая роль Рыскулова в строительстве социализма, Дамеш Ермакова также упоминает о его жене Азизе. По словам автора: «Азю я знала еще со студенческих годов. Во время лагерной и в вольной жизни всегда были вместе, помогали друг другу во всем [7, лл. 1-2 с об.].» 1937-1938 гг. во время ареста Азиза была с грудным ребенком, в условиях непереносимого лагерной жизни работала ветеринарным врачом по своей специальности. Где бы она ни работала, всегда отличалась трудолюбием, доброжелательностью, отзывчивостью. После освобождения из лагеря она нашла своих детей, что хоть немножко облегчило рану в сердце Азизы [7, л. 5 с об.]. Азиза умерла в 1988 году.

Детей, рожденных в тюрьме, называли «детьми лагеря». Мам под конвоем привозили и увозили на кормление детей. Тяжелое антисанитарное состояние в Алжире (плохая комната, недостаток пищи, тяжелая работа матерей и т. д.) вредно сказывалось на здоровье женщин, а в маленьком неокрепшем детском организме оставляла глубокие раны.

6 января 1938 г. в первом вагоне, нагруженном женщинами, находились дети в возрасте от 1 года до 3 лет. Дети в лагере до 2-х лет содержались в «детском комбинате». Когда ребенку исполнилось три-четыре года, их направляли в Осакаровский детский дом [8, с. 201]. Отправление детей 3-4 лет из лагеря в дом малюток осуществлялось подобно настоящим военным действиям. Отобрание детей от матери осуществлялось в ночное время. В своих мемуарах находившиеся в лагере женщины, вспоминают какие испытывали душевные страдания матери во время лишений их от своих детей (драки с конвоирами, бить головы об стены, в колючие проволоки и т.д.), некоторые женщины даже теряли рассудок.

После ареста отца и матери дочери Рыскулова: Майя и Сауле находились вместе в детском доме сперва в Москве, затем в Одессе. Позже в 1939 г. Майю забрала к себе Надежда Пушкарева, а Сауле – жена младшего брата Азизы Шамиля Есенкулова, Саида. Что касается Лиды Рыскуловой, она до трех лет находилась рядом с матерью Азизой, а по достижении трех лет она была отлучена от матери и отправлена в Осакаровский детский дом.

Дочь Рыскулова, родившаяся в АЛЖИРе, Лида вспоминает: «В три года меня забрали от матери. Очень скучала по ней. Когда просыпаюсь ночью, чувствую холод. Помещение холодное, рядом тела умерших детей. Это тяжело вспоминать. Когда осознаю те времена, когда рассказываю увиденное, до сих пор содрогаюсь и бывает не под силу вспоминать». А надзиратель этого лагеря Озипенко утверждает что: «У детей были специальные няни, выделены специальное питание, состояние детей было более-менее ухоженными», и тем

самым как бы желая смягчить положение женщин в лагере. А по воспоминаниям самих женщин: «Лида, со вшивой головой, на теле насквозь продырявленной одежде, плакала из-за нехватки еды, протекали сопли, но пытавшимся ей помочь женщины сами были наказываемы. И сама девочка так мучалась...». Это была повседневная ситуация в АЛЖИРе того времени.

В воспоминаниях начальник тюрьмы Баринов и надзиратель Юзипенко утверждают что: «в лагере не было специального расстрела женщин», что не было женских смертей разного характера, таким образом они прикрывают свои преступления. Однако правду можно показать только одним примером. В воспоминаниях Айтжана Бутина, узника Карлага говорится, что: «Была ферма, где работали узницы. В зимнее время утром заходя на ферму, увидел трех женщин, которые умерли и чьи трупы лежали на одной стороне двери. Жутко было смотреть. Позже я узнал, что троих женщин, оставленных на ожидание отела коровы, расстреляли за то что заснули в кошаре. В течение месяца их останки не давали к погребению для послужения уроком к остальным. Было очень страшно» [9].

В лагере было много женских смертей. Одна из таких смертей – смерть матери Арипы. Ее саму посадили на 8 лет, прежде расстреляв зятя, а дочь отправив в лагерь тоже на восемь лет. В этот период массово подвергали к гонениям родственников. Не потерпев таких лишений она скончалась в лагере за год до своего освобождения. В документах были записаны, точные сроки пребывания каждого заключенного, вплоть до дней и часов. Время прибытия, время отбытия указывался точно до часа. Теща Турара, Арипа Есенкулова, умерла в лагере за год до выхода, так и не поняв и приняв суровую правду. «Рыскулова-Есенкулова Арипа Атауловна, родилась 1887 г. Казашка. В качестве ЧСИРа было предъявлено обвинение за контрреволюционные преступления в 1938-1945 гг. Заключен в АЛЖИРе. Умерла в лагере в 1945 г.» [5].

Всего АЛЖИР прошли около 22 тыс. женщин. Из них имена 8 тысяч известны. Это результат совместной поисковой работы мемориально-музейного комплекса АЛЖИР и общества «Мемориал» г. Москвы. Имена 7248 из них записаны в книге под названием «Узницы АЛЖИРа». Кроме того, благодаря тщательной работе работников мемориально-музейного комплекса «АЛЖИР» были определены еще несколько, и всего 8 тысяч имен женщин-узниц АЛЖИРа стали известными для поиска. При анализе всех документов по лагерю, при разработке данной темы исследования, нами была выявлена имя еще одной женщины-узницы. Ее зовут Фатима Абсалямова. Она из Актобе (Казахстан), ее фамилия не фигурируется ни в одном исследовании по этой теме. О том, что она просидела в АЛЖИРе, и потом этапировали вспоминают его родственники из ее слов. Поэтому, считаем, что новизной является то, что впервые говорится о ней, как узнице АЛЖИРа. Хотя статья не о ней, но рассказать об этом мы сочли необходимым.

Таким образом, одной из невинно наказанных матерей в семье Турара Рыскулова является ее теща - Есенкулова Арифа Атауловна. Кроме того, был задержан и его деверь – Шамиль Есенкулов. А в послевоенные годы, когда Майя Рыскулова собиралась искать своих родных, брата и сестер, была сама сослана на пять лет.

Среди узниц АЛЖИРа были жены первопроходцев советской культурной жизни г. Алматы. Например, **жена Фазыл-Агзама Алиханова, открывателя Алматинского зоопарка, Хабиба Музафаровна Алиханова, арестованная в июне 1938 г. и сосланная на в лагерь «АЛЖИР».** В лагере она сидела с женами известных людей Блюхера, Тухачевского и других, с которыми жила в одном бараке. Детей Фазыл-Агзама выселили из квартиры. Их забрал к себе брат Нугман в однокомнатную квартиру. На 16 квадратных метрах их жило 8 человек. Сына Рахметоллу, как сына врага народа, исключили из рядов Комсомола, с третьего курса КазГУ он вынужден был бросить учебу. В 1943 году он умер от болезни. **Дочь Факия,**

круглая отличница, поступила в учетно-экономический техникум и после его окончания в 1941 году уехала работать в г.Уральск, в 1942 году...

Начиная свою деятельность в Восточном Казахстане, в 1930 году Алиханов вместе с семьей переехал в г.Алма-Ату, где был назначен на работу в НарКомат пищевой промышленности, там он занимал ответственные должности. В стране успешно изживались последствия голода 1932-1934 годов. Фазыл-Агзам часто выезжал на места для того, чтобы выправить допущенные ошибки при коллективизации, вел разъяснительную работу среди населения аулов. Благодаря его кропотливой, тщательной работы к 1937 г. в магазинах и гастрономах города Алма-Аты резко возрос ассортимент продуктов питания. На прилавках городских улиц свободно и по низким ценам продавались белуга и осетровые рыбы. Также увеличился выпуск непродовольственных промышленных товаров. Тем самым улучшился жизненный уровень населения. В стране успешно изживались последствия голода 1932-1934 годов. Семья жила по улице Талгарская, 22 в двухкомнатной коммунальной квартире. Он многим помогал.

Интуиция и хорошие знания помогли ему предвидеть будущее республики, он говорил родственникам, что настанет время, когда в каждом доме появится телевизор. Он находил время заниматься общественной работой. По его инициативе был открыт лагерь для детей работников НарКомата пищевого за городом в яблоневом саду (район Горного гиганта).

Он был прямым и справедливым, не взирая на личность, мог высказать свое мнение. Например, при посадке детей в машину при отправке в лагерь, один из партийных руководителей закричал: «сначала садить в машину детей коммунистов». На что Фазыл-Агзам оборвал его резко, и сделал строгое замечание: «причем дети коммунистов, все дети равны» [10].

Многое можно рассказать о каждой из ранимых душой, но верных и стойких принципам женщин АЛЖИРа.

Подитоживая, хотим сказать, что мы не можем вернуть прошлое. Но, вспоминая о различных трагических судьбах, раскрывающих историю ада под названием АЛЖИР, мы возвращаемся к вопросу дани уважения потомками своим предкам и матерям. Восстанавливаем справедливость перед поколениями. Благодаря глубокому изучению этой темы мы вносим вклад в восстановление честного имени каждой АЛЖИРской узницы. И дальнейшее выявление судеб известных и неизвестных узниц АЛЖИРа остается долгом перед нами - исследователями.

Литература

1 Тыныбекова С.Б. В память о моем деде // Көрнекті мемлекет және қоғам қайраткері Сұлтанбек Қожановтың 125 жылдығына арналған «Тарихи сананы жаңғырту: қоғам, ұлт және тұлға» атты халықаралық ғыл.-тәжіриб. конф. мат. [Құрастырушы: Х.Тұрсұн]. - Түркістан, 2019. - 215 б. (8)

2Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Отв. и сост. Е.А. Зайцев. – М., 1993. – 224 с. (10)

3Кукушкина А.Р. Акмолинский лагерь жен «изменников Родины»: история и судьбы. – Караганда, 2002. – 184 с. (59).

4 Государственный архив г. Астаны – далее ГАА). Ф. 370. Оп.1. Д. 50.

5Узницы «АЛЖИРа». Список женщин-заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. – М.: Звенья, 2003. – 568 с.

6Аден А. Жены и дети Турара Рыскулова. Источник: <https://e->

history.kz/ru/publications/view/zheni_i_deti_turara_riskulova_5530?fbclid=IwAR2QhvHzCI62eJVBICRtpEODwULYxSt4W_H6dbotindVsWXkENxRBdBLfsc] (просмотрено 20.11.2019).

7 Архив Президента Республики Казахстан (далее АПРК). Ф. 122-Н. Оп. 1. Д. 55.

8 Собрание кодексов РСФСР в редакции 1926 г. – М.: Юр. изд. НКЮ РСФСР, 1928. – 1183 с.

9 Центральный архив кино-фото-фонодокументов-и звукозаписей Республики Казахстан. Документальный фильм «АЛЖИР» в 2-х частях. Сценарии Армиял Тасымбекова и Аяган Шажамбаева, консультант Абу Такенов. 2-часть. Фильм «Мы свидетельствуем». Снят 1989 г.

10 АПРК. Ф. 122-Н. Оп.1. Д. 8.

Рецензенты: д.и.н., профессор Абдырахманов Т.А.